

Якобсон Леонид
(100-летний юбилей
хореографа)

75.01.04

Независимая газета. — 2004 — 15.11.6. — № 6 Босые пятки против коммунизма

Сегодня исполняется 100 лет хореографу Леониду Якобсону

Мая Крылова

Живи Леонид Якобсон (1904–1975) не в СССР в эпоху идеологически выдержанного искусства, а в ином месте в иное время — столетие со дня его рождения отмечали бы не только профессионалы и продвинутая публика. Но Якобсон творил в такую эпоху, что в энциклопедиях к его профессии «хореограф» добавляют прилагательное «советский». Живя при железном занавесе, он так и остался малоизвестен в мире, хотя значение Якобсона в истории балета не меньше, чем Петипа или Баланчина.

Всю жизнь Якобсон пробивал свои балеты. Ходил на приемы к начальникам, писал, умолял, грозил, упраскивал... Чудом Якобсону разрешили создать собственный коллектив — «Хореографические миниатюры». Власти его не любили и всегда подозревали в смертном грехе формализма. А Якобсон всего лишь «наивно» считал, что театр — такое искусство, где творческая задача каждый раз должна иметь заново рождающуюся форму. Он не знал, что сочиняли на Западе, но делал то же, за что в Европе и Америке превозносили, а в СССР травили. Врагом поневоле его сделала советская идеология, решившая, что танец на пуантах — это хорошая и классово близкая условность, а танец босиком — условность плохая, вредная для строительства коммунизма.

Биография Якобсона — пример того, как власть по глупости сама копала себе историческую могилу. Практически каждый балет Якобсона перманентно травили, соревнуясь в цветистой демагогии. Номер «В порту» по Мопассану заклевали на основании «Зачем советским людям показывать проституток?». Балет «Двенадцать» (по Блоку) запрещали 4 раза. Миниатюры по скульптурам Родена отменяли: они разлагают молодежь. Трико телесного цвета приказали сменить на платье — так целомудреннее. Обвинения в эроти-

ке — общее место нападок на Якобсона. Хореограф и в самом деле разбавлял горячей телесной энергетикой пресное болото так называемой «советской современной хореографии». (Не случайно Игорь Кон в недавно вышедшей книге про мужское тело в культуре специально отмечает Якобсона и его роденовский цикл, где царил «обнаженное и страстное тело».) При запретах ссылались на мнение народа: мол, советская публика не поймет и не простит. Как впоследствии иронически писала вдова балетмейстера Ирина Якобсон, «советская публика простила и с удовольствием смотрела спектакль».

Леонид Якобсон.

Фото из фондов Музея академии русского балета имени А.Я.Вагановой

С ним любили работать хорошие артисты, уставшие от однообразного классического репертуара. После многих лет работы в Кировском театре к нему на семидесятирублевую ставку ушла Алла Осипенко — народная артистка, прима-балерина. Когда очередной номер хореографа «Нимфа и минотавр» был запрещен, Осипенко с Якобсоном пробивали разрешение на показ через председателя Ленгорисполкома. Тот был поражен, что просители не просят личных благ — ни квартиры, ни машины,

а всего лишь позволения исполнить какой-то балет. От изумления разрешил, а в конце аудиенции спросил: «Вам точно не нужно квартиру?»

Мая Плисецкая, которая исполнила роль Фригии в якобсоновском «Спартаке», вспоминала, как хореограф заставлял ее по сотне раз повторять каждое движение: «Танцевать в римских сандалиях, ставить ноги прямо, не выворачивая носки наружу и танцевать на носках, хотя нас всегда учили разворачивать ноги и не вставать на носки. Якобсон ставил каждое движение вплоть до отдельных нот, так что за минуту приходилось делать около пятидесяти па. Твои

вича, запрещенный перед премьерой.

В жизни Леонид Вениаминович любил бахвалиться, а на упреки в нескромности («и так все знают, что в Кировском театре вы самый талантливый и блестящий») отвечал: «В том-то и дело, что никто этого не только не говорит, но даже не знает». Публично называл хореографию Петипа «гадостью» и «дребеденью». Наталья Макарова, много работавшая с Якобсоном, вспоминает, как он «доводил всех до бешенства, утверждая, что декорации к его спектаклям могут создать только Дали или Шагал и что советские художники никуда не годятся». В общении Якобсон был малокоммуникабельным человеком, мог нахамить, мог даже ударить. Известна история с Арамом Хачатуряном. Ему не понравился якобсоновский «Спартак» — возможно, потому, что партитура была сильно сокращена после долгого сопротивления Хачатуряна. Дошло до драки, правда, случайной. Соавторы, балетмейстер и композитор, шли по Невскому и спорили. Хачатурян жестикулировал и случайно задел Якобсона по лицу. Тот подумал, что нарочно, и дал сдачи. Жена Якобсона безуспешно разнимала дерущихся творцов...

Он был страшно принципиальным во всем, что касалось творчества. Мог собственную жену-танцовщицу поставить во второй состав, а хорошую балерину — в первый. Когда было нужно для балета, проявлял чудеса — например, добился, чтобы группу артистов пустили в подвалы Эрмитажа, посмотреть за секретенный от народа трофейный Пергамский алтарь, который Советский Союз тогда еще не отдал ГДР...

В прошлом году бывшая труппа Якобсона восстановила некоторые его работы. Успех был потрясающий. Второстепенная компания сразу попала в номинанты «Золотой маски». В начале двадцать первого века танец Якобсона оказался удивительно свежим. ■